

X
Архимандрит Иов
(Гумеров)

Тихие воды
Тихие воды
последней
последней
пристани
пристани

Книга воспоминаний



Иов (Гумеров)

**Тихие воды последней
пристани. Книга воспоминаний**

«Издательство Сретенского Монастыря»

2018

УДК 271.22(470+571)-725:929Иов(Гумеров)
ББК 86.372.24-3

(Гумеров) И.

Тихие воды последней пристани. Книга воспоминаний /
И. (Гумеров) — «Издательство Сретенского Монастыря», 2018

ISBN 978-5-7533-1443-7

Новая книга известного духовного писателя, насельника московского Сретенского монастыря архимандрита Иова (Гумерова) рассказывает о его жизненном и духовном пути. Она проникнута одной центральной мыслью: всю жизнь Господь через разные события, испытания, встречи вел его к Себе. Во всех событиях своей жизни отец Иов видит руку Божию. Книга воспоминаний отца Иова помогает нам задуматься над духовным смыслом происходящего, а также по-новому осмыслить нашу собственную судьбу. Для массового читателя.

УДК 271.22(470+571)-725:929Иов(Гумеров)
ББК 86.372.24-3

ISBN 978-5-7533-1443-7

© (Гумеров) И., 2018
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2018

Содержание

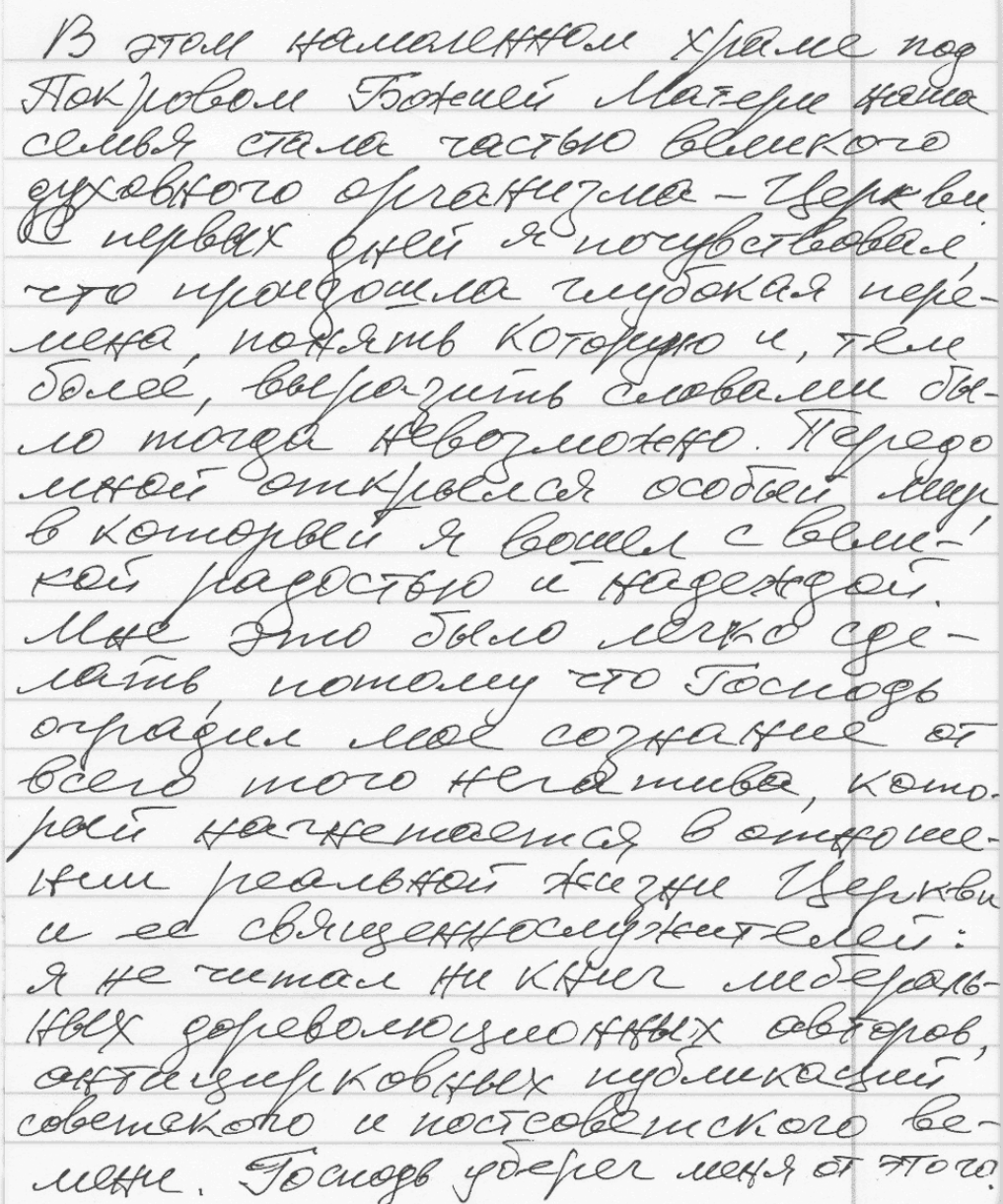
Вместо предисловия	7
Начало	9
Челкар	11
Родители	13
Брат	20
У нас в городке жил святой	21
Первое путешествие	22
Восточная слобода	23
Скромное жилище	26
Школа	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Архимандрит Иов (Гумеров) Тихие воды последней пристани: Книга воспоминаний

© Иов (Гумеров), архим., 2018

© Сретенский монастырь, 2018

«Да будет в старости печаль моя светла»¹



В этом маленьком храме под
покровом Божией Матери наша
сельвя стала частью великого
духовного организма — Церкви.
С первых дней я почувствовал
что произошла глубокая пере-
мена, понять которую и, тем
более, выразить словами бы-
ло тогда невозможно. Передо
мной открылся особый мир
в котором я вошел с вели-
кой радостью и надеждой.
Мне это было легко сде-
лать, потому что Господь
оградил мое сознание от
всего того нелепства, кото-
рой называется вонюще-
ным реальной жизни Церкви
и ее священнослужителей:
я не стал ни кумиром марья-
нских революционных авторов,
антицерковных публицистов
советского и постсоветского ве-
мени. Господь уберег меня от этого.

¹ Строка из стихотворения Осипа Мандельштама «С веселым ржанием пасутся табуны...».

Вместо предисловия

Чем ближе я подхожу к той черте, которая отделяет мою земную жизнь от будущей, тем чаще погружаюсь в прошлое. Желание вспомнить прожитую жизнь и записать все, что сохранила память, вызревало во мне недолго. Оно родилось как нечто естественное. Раньше я не догадывался, что это занятие может быть столь радостным и увлекательным. Объяснение этому нахожу в том, что именно сейчас, когда наступила старость, я полно вижу на всех этапах своей жизни направляющую десницу Божию. Отрадно наблюдать, как ведет Господь человека по жизни, сохраняя его и направляя на путь спасения. Как избавлял Он от гибели, как удерживал на протяжении всей жизни от выбора ложных путей.

Сейчас для меня очевидно, что Бог вел меня именно туда, куда я пришел. Он даровал мне православную христианскую веру, священство и монашество. В моей жизни действие Божественного Промысла особенно зримо и очевидно потому, что итог моей жизни (православие, священство, монашество) никак не объясним ни происхождением, ни воспитанием, ни образованием, ни профессиональными занятиями. Господь повернул течение моей жизни. От Господа направляются шаги человека; человеку же как узнать путь свой? (Притч. 20, 24). Мысль о том, что именно Господь Бог направлял меня в жизни, является не только моим внутренним убеждением. Это ясно из того факта, что в конце я пришел к тому, к чему никогда осознанно не стремился. Я никогда не ставил себе цели стать богословом, священником, монахом. Не только тогда, когда учился в школе, в университете или в аспирантуре, но и позже, в период работы научным сотрудником, я не имел таких намерений. Мысль об этом показалась бы мне тогда почти фантастичной. Планы человеческие, даже самые продуманные, несовершенны и изменчивы. Бог же творит всегда всем во благо. Много замыслов в сердце человека, но состоится только определенное Господом (Притч. 19, 21). Даже если мы сами об этом и не помышляли.

Чаще всего Господь Бог творит Свою волю через людей. Среди несчетного множества людей, которые встретились мне на жизненном пути, я прежде всего вспоминаю тех, кого послал мне Бог. Каждый из них в разные периоды жизни, даже не догадываясь о том, помогал мне идти тем путем, которым вел меня Бог. Я пишу о них с особым расположением и чувством благодарности. Без них моя жизнь была бы иной.

Представления обыденного сознания о старости крайне примитивны. В действительности каждый возраст Господь Творец наделил замечательными достоинствами. Священный писатель старческую седину называет венцом славы (см. Притч. 16, 31), имея в виду человека, который в жизни выбрал стезю правды. На старость сетуют обычно люди, которые в эту пору вступили с пустыми руками, не собрав духовных богатств. Марк Туллий Цицерон, написавший в шестьдесят два года диалог «О старости», замечает устами Катона Цензора: «Тем людям, у которых у самих нет ничего, что позволяло бы им жить хорошо и счастливо, тяжек любой возраст; но тем, кто ищет благ в самом себе, не может показаться злом нечто основанное на неизбежном законе природы, а в этом отношении на первом месте стоит старость»².

В старости приходит то спокойствие, какое известно человеку, совершившему нелегкий труд. Жизнь – особый труд, который возлагает на каждого Бог. Желать поменять старость на молодость – значит уподобиться царю Коринфа Сизифу, который почти уже поднял на вершину горы тяжелый камень, а он сорвался. Надо спуститься вниз и начинать все заново. Помню, в декабре 1996 года, когда я преподавал в Московской духовной академии, исполнилось пятьдесят пять лет проректору ее, профессору Михаилу Степановичу Иванову. День был будний. В перерыве между лекциями он угостил преподавателей (было нас несколько человек) какой-то выпечкой, приготовленной в нашей трапезной. Будучи проректором по учебной

² О старости. О дружбе. Об обязанностях: Сб. М.: Наука, 1974. С. 8.

части, он должен был следить, чтобы у студентов не было двоек. Наверное, поэтому пошутил: «Это единственный случай, когда две двойки лучше двух пятерок». Я промолчал, но внутренне не согласился: вернуться к двадцатидвухлетнему возрасту – значит скатить поднятый на гору камень, а потом тридцать три года вновь его поднимать.

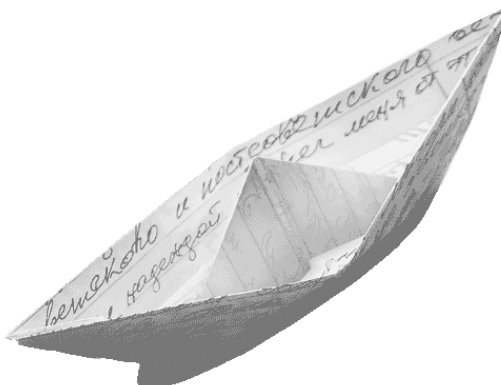
Достигнув старости, человек вступает в период постоянных болезней, которые он должен воспринимать как удел его возраста. Премудрый Творец через недуги постепенно освобождает нас от привязанностей к земной жизни. Старому человеку порой бывает физически трудно выполнять самые простые повседневные обязанности. На всех его делах лежит печать немощи. В иные дни, когда труды кажутся превосходящими силы, нередко посещает желание просить Господа Бога взять его из земной жизни. Однако человек должен побеждать это желание. Только Господь знает, когда мы готовы к переходу из времени в вечность. Бог даже великим святым определил разную меру продолжительности жизни и здоровья. Здесь человек стоит перед тайной, в которую войти не может. Преподобный Антоний Великий жил сто пять лет. До последних дней жизни он сохранял телесную крепость. А его младший современник вселенский учитель Василий Великий прожил сорок девять лет. Часто тяжело болел. «Непрерывные и сильные лихорадки так изнурили мое тело, что сам себе кажусь чем-то таким, что хуже и меня самого. После этого припадки четырехдневной лихорадки более двадцати раз повторяли свой круг. А теперь, когда, по-видимому, освободился я от лихорадок, до такого дошел изнеможения сил, что в этом не отличаюсь от паутины», – писал он о себе Мелетию в 375 году.

В старости человек имеет полноту жизненного опыта. Никакой разум, даже самый глубокий и сильный, не может восполнить его отсутствие. Символом старости является седина: Слава юношей – сила их, а украшение стариков – седина (Притч. 20, 29). Однако жизненный опыт лишь тогда является богатством, когда жизнь человека строится на истинных духовно-нравственных ценностях. В противном случае груз прожитых лет будет мешать человеку, если даже он в конце своего пути придет к Богу. Пожилые люди утрачивают способность воспринимать новое, поэтому бремя бездуховной жизни будет тянуть в прошлое.

Человек осознаёт наступившую старость не сразу. Сначала о ней свидетельствует только число лет. Римляне началом старости считали шестидесятилетний возраст. Однако внутренний настрой человека еще остается прежним. Жизнь продолжается без заметных перемен. Сохраняющаяся способность к труду и медленно слабеющая жизненная активность поддерживают в человеке иллюзии, что старость еще не наступила, что все идет своим чередом и так будет всегда. Но проходит несколько лет, и телесные немощи все более настойчиво напоминают о том, что надо внутренне измениться и жить в согласии с законами последнего периода жизни, когда с каждым годом убывают силы. Это человеку во благо: в старости постепенно отмирает интерес ко многому тому, на что в молодости напрасно растрчивались силы.

Сознаю себя немощным и грешным. На закате дней все более чувствую руку Божественного Промысла, Который вел меня через все эти годы. И может быть, некоторые события, которые мне удалось пережить, и рассказы о людях, с которыми меня свел Господь, будут интересны читателю.

Начало



Жизнь моя началась в воскресенье 25 января 1942 года. Я родился на восточной окраине нашей обширной страны в маленьком городке Челкар (с марта 2000 года – Шалкар) Актюбинской области на западе Казахстана. Шел двести восемнадцатый день страшной, разрушительной войны. Нас отделяло от линии фронта несколько тысяч километров, но война едва не унесла и мою жизнь еще в младенчестве.

В тылу люди жили впроголодь. У мамы к концу беременности была крайняя степень истощения. Когда она поступила в роддом, профессор (видимо, один из сосланных) спросил маму: «Кого будем спасать: мать или ребенка? У вас нет сил рожать». В ответ на его вопрос мама решительно сказала: «Ребенка». И, помолчав, добавила: «Бог мне поможет. Буду рожать только естественно». Это я от нее слышал в 90-е годы ушедшего столетия. Может быть, слова исповедания веры появились у нее позже, когда она делала уже заметные шаги на этом пути, но ее решимость пожертвовать собой ради ребенка не вызывает у меня никакого сомнения. Вся дальнейшая жизнь показала ее жертвенную любовь к своим детям, а ранее – к родителям.

Вопреки медицинскому заключению старого врача мама родила очень легко. Это было первое чудо в моей жизни. Когда сказали о моем рождении профессору, он был удивлен, пришел, взял меня на руки и проговорил: «Будет счастливым».

При рождении мне дали имя Шамиль. Родители не знали, что своего второго сына, меня, назвали библейским именем Самуил (еврейское произношение – Шмуэль). Сам я узнал это несколько десятилетий спустя, когда руководство Московской духовной академии неожиданно мне, с раннего младенчества носившему имя великого ветхозаветного пророка, поручило преподавать Священное Писание Ветхого Завета. Не могу не изумляться тому, что произошло без всякого моего осознанного стремления к этому.

Совершая утреннее правило, я обращаюсь как к своим небесным покровителям к трем святым: «Святой праведный отче Иове, святителю отче Афанасие и пророче Божий Самуиле, молитесь Бога о мне, яко аз усердно к вам прибегаю, скорым помощником и молитвенником о душе моей».

Родился я на чужбине, ни папа Абиляхир (1913–1996; родом из Башкирии), ни мама Нагима (1915–1999; из Астраханской губернии) корнями с этим краем не были связаны. Вижу в этом предзнаменование моей дальнейшей монашеской жизни: с рождения я был уже как бы пришельцем в той земле, на которой рожден. В четыре года меня увезли в Краснодар. Затем семья переехала в Самару. Потом был переезд в Уфу. И вот более сорока лет я живу в Москве, где поступил в монастырь – последнее пристанище моего земного странствия.

Благодарю Господа, что родился я в день святой мученицы Татианы († III век) на земле, благодатно освященной подвигом и кровью православных новомучеников и исповедников.

Жестокие гонения претерпели не только священнослужители и миряне обширной Алма-Атинской епархии, но и множество епископов, священников, диаконов и монахов, сосланных в Казахстан. Заканчиваю свое земное странствие на улице, название которой (Лубянка) стало нарицательным. На территории Сретенского монастыря в 1930-е годы проводились расстрелы. Перед окнами моей кельи возвышается благолепный собор в честь Воскресения Христова и всех новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Челкар

Земля, на которой я родился, уже более двухсот лет была в составе России. В сентябре 1730 года хан Абулхайр, стоявший во главе группы казахских племен и родов, объединенных в Младший жуз, отправил посольство в Уфу с посланием к императрице Анне. Он желал присоединиться к России. Императрица 19 февраля 1731 года подписала грамоту о добровольном вхождении Младшего жуза в состав Российской империи.

Край осваивался постепенно. Казахи были кочевниками. Только 19 мая 1869 года было заложено укрепление Ак-Тюбе (Белый Холм). С конца 70-х годов XIX века здесь появляются первые крестьяне-поселенцы из Рязанской, Воронежской и Тамбовской губерний. Статус города военное укрепление Ак-Тюбе официально получило 29 мая 1891 года. Тогда новообразованному городу было присвоено название Актюбинск (ныне – Актюбе).

Небольшой поселок Челкар (современное название – Шалкар), в котором я родился, находится в трехстах шестидесяти трех километрах к юго-востоку от Актюбинска. В XIX веке это было казахское поселение. Между Челкаром и Иргизом проходил почтовый тракт. Через каждые тридцать – сорок километров были устроены постоянные дворы, где меняли лошадей. Положение этого местечка изменилось после того, как в начале XX века там была проложена железная дорога Оренбург-Ташкент. Челкар стал железнодорожной станцией. С 1905 по 1907 год были построены: вокзал, паровозное депо, больница, роддом, в котором я появился на свет, аптека, двухклассная школа.

С 1928 года Челкар стал городом. В нем проживало несколько тысяч человек. Состав населения сильно изменился после 1934 года: городок становится местом ссылки священнослужителей и интеллигенции.

Местность, где находится Челкар, глинистая. Равнины сменяются небольшими, высотой в двадцать-тридцать метров, холмами с пологими склонами. С востока к городу близко подступают пески пустыни Большие Барсуки. Растительность бедная. К юго-западу от города находится большое одноименное городу озеро Челкар, его береговая линия составляет 50 километров. У воды местами растет камыш, в зарослях которого в годы моего раннего детства водилось множество водоплавающей птицы. Озеро тогда было богато рыбой.

Я так подробно пишу об этом, потому что озеро кормило нашу семью в трудные годы, особенно в войну. Папа охотился на уток. У него была собака спаниель по кличке Баль. Позже я слышал от отца рассказы о ней. Если охота была удачной, папа, рассказывая маме, хвалил собаку. Услышав это, Баль приходил, садился между родителями и начинал от удовольствия вилять хвостом. Когда птица от него ускользала или он не мог ее достать в камышах, папа недовольно говорил об этом маме, вернувшись с охоты. Дремавшая на полу собака поднималась и уходила из комнаты. Мой папа был человеком инженерно-практического склада ума. Он был далек от фантазий, рассказывая о собаке. По-видимому, эти создания действительно понимают гораздо больше, чем мы привыкли думать о них.

Папа ловил озерную рыбу сетью. Тогда еще не было запрета использовать подобные снасти. Радиоцентр, в котором работал отец, был на берегу озера. Так что папа на ночь ставил сеть. Рано утром, задолго до работы, он вынимал из нее пойманную рыбу и нес домой. Много десятилетий спустя мама рассказывала, как ей приходилось быстро чистить живую рыбу, чтобы до работы успеть ее приготовить и накормить семью. Позже, когда мы, уже взрослые, собирались за столом и ели рыбу, мама всякий раз вспоминала: «Ты был совсем маленький. Сидишь, кушаешь рыбу и старательно выбираешь косточки».

Сам я не помню жизнь в Челкаре. Мы оставили этот городок, когда мне было четыре года. Я обратился к моему брату Эмилю, который старше меня на два года, помнит ли он Челкар. Брат написал мне: «Я помню, как папа катал тебя на велосипеде, как ездили на рыбалку с

отцом на озеро Челкар, большое, как море. Я беспокоился, что в лодке была вода, но ты был к этому равнодушен. Играли мы с соседскими ребятами в прятки в ближайших камышах, что было небезопасно: остаток срезанного камыша мог сильно поранить ногу. Еще я помню, как мы играли с папиной охотничьей собакой».

Родители

Раньше я несколько раз собирался написать о маме очерк, чтобы запечатлеть для ее внуков и правнуков черты этой замечательной женщины. Однако постоянно откладывал, чувствуя свое бессилие.

Всякий раз, когда моя память обращается к маме, когда из прошлого встает ее образ или какое-нибудь событие, связанное с мамой, мне становится тепло и радостно.

Мама очень любила нас и не упускала случая сказать нам ласковое слово. Это была ее потребность. Она никогда не ругала нас. Уже в старости мама рассказала мне, что ей это запретила ее мать. Папу часто переводили из города в город. Когда она последний раз просталась со своей мамой, та сказала ей: «Об одном прошу – никогда не ругай и не бей детей. Если ударишь хоть раз даже по руке, мое материнское благословение отойдет от тебя». Но мама никогда не сделала бы этого и сама: она на такое была просто не способна.

Мама жила не для себя, а для мужа и детей. Многие годы она практически не отдыхала. Отпуск брала в августе, чтобы подготовить нас к школе: шила одежду, штопала старую, часами простаивала в очередях, чтобы купить нам все необходимое: учебники, тетради, ручки, карандаши...

* * *

Мама, Нагима Хасановна (в девичестве Искендерова), родилась в 1915 году в Урде. Это город в междуречье Урала и Волги, до революции – Ханская Ставка. Он входил в состав Астраханской губернии. Земля эта принадлежала Букеевской орде. В 1826 году приглашенные русские зодчие при хане Жангире начали строить город как административный центр. Быстро растущее население было многонациональным: казахи, татары, русские и другие. В 1869 году в Ханской Ставке был освящен деревянный православный храм. В нем с 1914 года служил священник-исповедник Симеон Сенилов (1869–1920), скончавшийся в тюрьме в ожидании приговора.

Родители мамы по нравственному складу и образу жизни не были типичными мусульманами, каких мы знаем из жизни и книг. Дедушка Хасан и бабушка Зайнан, пусть и своеобразно, принимали участие в праздновании Пасхи. В городе, где они жили, было много русских. У бабушки был ящичек с землей. В нем она заранее высеивала траву. Перед Пасхой клала туда крашеные яйца. В Светлое Христово Воскресение дедушка и бабушка шли поздравлять своих православных знакомых. Не могу не вспомнить, как мама уже в старости на мои слова «Я сделаю это потом» ответила: «Дорого яичко к Христову дню».

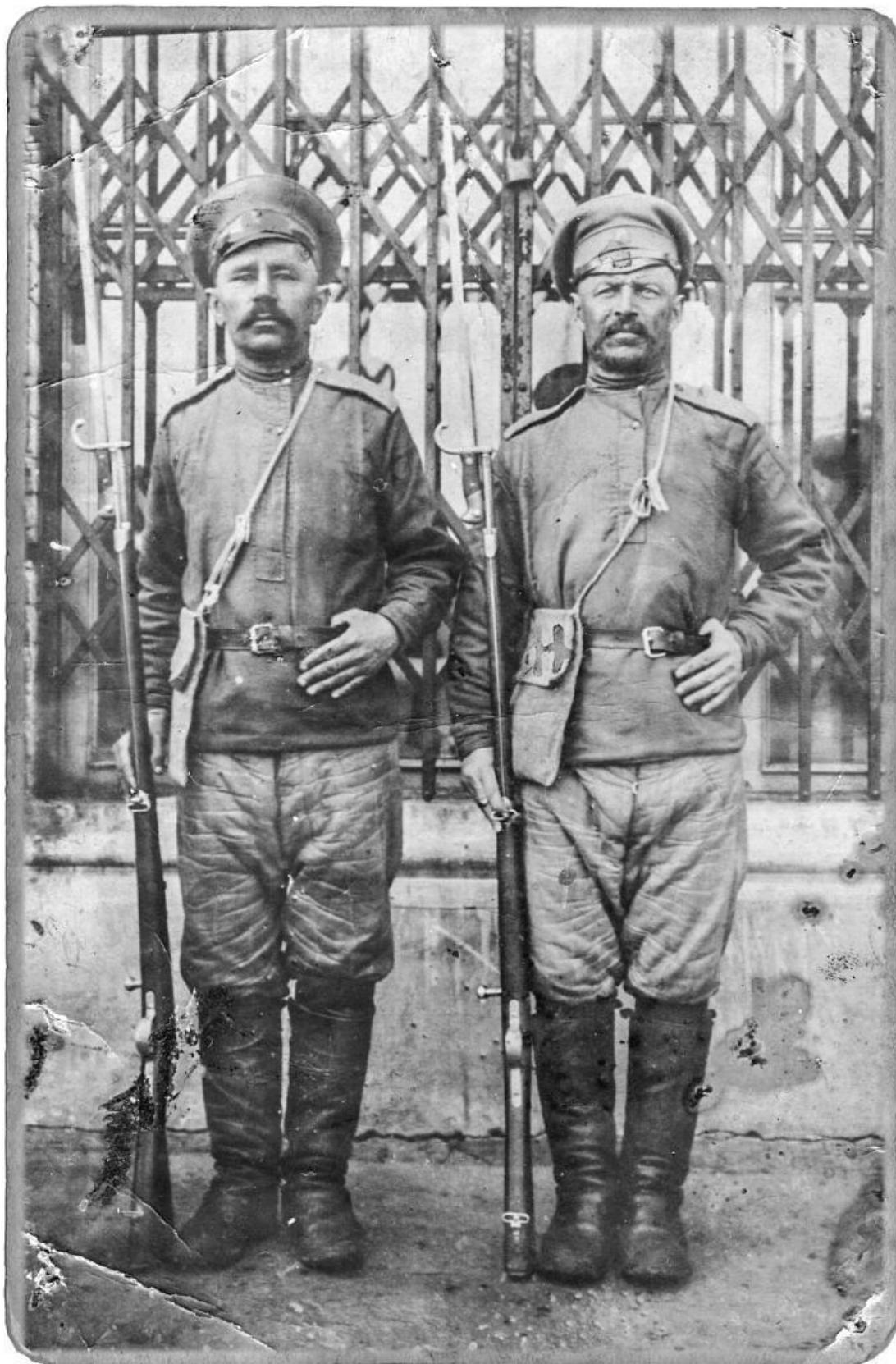
Мама мне говорила, что одно время, когда она была девочкой, на ней была обязанность водить в церковь одну старушку. Вероятно, это была соседка. Поручить это маме могли только ее родители.

Из рассказов мамы я знаю, что мой дедушка Хасан пользовался особым уважением в городе. У него был серебряный перстень простой работы. Люди просили дать им перстень на время, когда предстояло какое-то серьезное дело. Мама сохранила его. На перстне прикреплена коробочка с крышечкой, куда можно вложить краткий текст молитвы. Мама подарила его потом своей невестке – матушке Елене, а она вложила туда текст с Иисусовой молитвой.

Дедушка Хасан и бабушка Зайнан родили шестерых детей: трех сыновей и трех дочерей. Моя мама была пятым ребенком. Три сына прошли всю войну и остались живы.

Умер дедушка Хасан в Урде во время эпидемии. Кажется, это был тиф. На его похоронах было много народу. Когда у него обнаружили признаки смертоносной болезни, чтобы уберечь

от заражения остальных членов семьи, в конце огорода построили для него шалаш. Он был уже лежачим, и за ним нужен был уход. Выбор пал на мою маму. Ей тогда было около семи лет. Мне трудно представить переживания моей бабушки, которой надо было решить: кто из ее детей принесет себя в жертву любви к ее умирающему отцу? Моя мама, как и любой взрослый, хорошо понимала, что в тесном общении с больным, живя с ним в одном шалаше и ухаживая за ним день и ночь, девочка не могла не заразиться. Да и сама мама вполне уже сознавала опасность, грозившую ее жизни, и представляла, что ее ожидает: в городке ежедневно умирали люди от эпидемии. Она не испугалась и не отказалась, проявила ту жертвенность, которая отличала ее всегда.



Хасан Искендеров (слева) в Первую мировую войну. 1917 г.

Мама выходила из шалаша, когда надо было взять еду, которую приносили и ставили в определенное место под навес. Она кормила отца, переодевала его, стирала одежду. Отец

умер, а ее Бог сохранил. Господь ведаёт будущее каждого человека. Я уверен, Он уберёт ее от неминуемой болезни и смерти, потому что знал: она станет христианкой, ее сын и внуки – православными священниками.

С того времени между моей мамой и ее покойным отцом установилась особая связь, благодаря которой она несколько раз смогла избежать смерти.

Забегая вперед, приведу один пример. В войну, когда мы с братом Эмилем были еще совсем маленькими, в Челкаре вспыхнула эпидемия тифа. К несчастью, у мамы в это время появилась тоже какая-то болезнь. Поднялась температура. Участковый врач потребовала, чтобы она легла в тифозный барак. Мама отказалась, сказав, что там она заразится и умрет, а малолетние дети не выживут. Так как мама решительно не соглашалась лечь в барак, то участковый врач сделала последнее предупреждение: «Если сегодня не ляжете, завтра утром приду с милиционером».

Ночью мама не могла заснуть. Утром должно было произойти непоправимое. И вот, когда она находилась в таком тревожном состоянии, в сонном видении ей явился отец и сказал: «Иди на опытную станцию. Обратись к профессору... (фамилию его мама не помнила). Он тебе поможет». Видение было настолько явственным, что мама, несмотря на ночь и на то, что идти надо было несколько километров, пошла. Это была Приаральская опытная станция Всесоюзного института растениеводства, которую организовал академик Николай Иванович Вавилов (1887–1943). Она находилась в песках пустыни Большие Барсуки в Челкарском районе. Там работало немало специалистов, высланных после 1934 года из Ленинграда. Мама нашла дом доктора, к которому послал ее отец, и, постучав, разбудила его. Он проявил доброту и внимание. Сразу же понял ситуацию. Тифа он у мамы не нашел, а определил у нее другую болезнь. Его заключение не имело силы справки, но Господь так все устроил, что даже это написанное от руки свидетельство без официальной печати спасло маму. Когда утром пришли врач с милиционером, мама протянула бумажку. Та посмотрела и сказала: «Ладно, оставайся». Мама мне не раз рассказывала эту удивительную историю, в которой так очевидно проявилось действие Божественного Промысла. Она вспоминала, что и потом несколько раз отец являлся ей во сне, когда грозила смерть, и подсказывал выход. Почему Господь посылал ей отца? Тогда она еще не была крещеной. Возможно, явление кого-либо из святых, что часто бывает в таких случаях, она еще не смогла бы воспринять. Но десница Божия явно хранила ее.

Эта история кому-то покажется невероятной. Однако невероятным нужно признать и то, что из всех шести детей Хасана одна только мама пришла к православию. Остальные даже не приблизились к христианству.

Мама застала рукоположение в диакона старшего внука Павла. Я послал ей фотографию, где он снят с нами в день рукоположения во дворе Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Потом, когда я разговаривал с ней по телефону, она сказала: «Солидно!» Уверен, что сам я пришел к христианству благодаря тому воспитанию, которое она мне дала. Ее нравственное влияние на меня было решающим.

Дедушка Хасан умер лет за двадцать до моего рождения. С бабушкой Зайнан я прожил четыре с половиной года в Челкаре. Знаю ее больше по рассказам мамы.



Бабушка Зайнан в возрасте семидесяти лет

Бабушка происходила из духовенства. Ее приглашали в дом читать молитвы по усопшим. В отношении нравственности она была очень строгой. Ей в жизни выпали тяжелые испытания. Молодым умер муж. Три ее сына уже в начале войны были взяты на фронт. Каждый день в течение четырех лет она переживала за них.

Бабушка умерла в 1953 году в г. Пржевальске, живя в семье самой младшей своей дочери Зайтуны. Сохранилась ее фотография в старости. Прямой, открытый и безбоязненный взгляд. Плотные сжатые губы говорят о готовности молча и безропотно переносить жизненные невзгоды. На обороте фотографии надпись: 70 лет.

* * *

В Челкар мама приехала по распределению на работу в местное отделение Госбанка со своей матерью Зайнан и старшим братом Габбасом. В Челкаре она познакомилась с моим папой Абиляхиrom Гумеровичем Гумеровым, который был направлен в Казахстан после окончания

в Москве техникума связи. Они поженились 28 апреля 1939 года. Папа работал в радиоцентре аэропорта, который находился на окраине города.

В отличие от мамы, папа редко обнаруживал свои эмоции. Он был весьма молчалив. Если что и рассказывал, то слов употреблял немного. Самым замечательным было то, что он не гневался и не раздражался. У папы была сверхответственная работа: если бы даже на несколько минут в аэропорту перестала работать радиосвязь, то мог бы разбиться самолет. Уже в Уфе, помню, нам звонили домой, сообщая о неполадках, но папа никогда ни на кого не кричал, не выходил из себя. Мой школьный друг Роберт Байбазаров на поминках по маме вспомнил такой эпизод. Он дежурил на дальней радиостанции. Его стал одолевать сон. Он сопротивлялся как мог, но все же заснул. Поскольку из-за его сна связь с радиостанцией прекратилась и телефон не отвечал, то дело дошло до командира Уфимского авиаотряда. Папа сел в служебную машину и помчался к радиостанции. Роберт сказал, что он проснулся, услышав шум мотора. Затем он увидел в дверях моего отца. Папа, видя, что радист жив и находится у пульта, закрыл дверь и уехал. Он не только не изругал своего подчиненного в ту минуту, когда его увидел, но и позже ни разу не упрекнул ни словом.

Отец все свое время и силы отдавал работе. Ради безукоризненного выполнения своих служебных обязанностей он не жалел себя. Папа обладал хорошими способностями и обширными профессиональными знаниями. Когда за деревней Чесноковкой стали строить новый Уфимский аэродром, который мог бы принимать современные лайнеры, он, не оставляя своих обязанностей на старой работе, в течение нескольких лет трудился над созданием современной системы радиосвязи и радиолокации. Как специалист он пользовался признанием и уважением начальства и сотрудников.

Каждое лето, приезжая в Уфу, я ездил с ним на дачу. Вечером мы везли домой поспевшие овощи. Сейчас очень жалею, что мало ему помогал во время своего отпуска.



А. Г. и Н. Х. Гумеровы

В ноябре 1995 года, восьмидесяти двух лет, папа простудился. Началось воспаление легких. Он проболел три с половиной месяца. Мне не сообщали о начале его болезни. Лечили его дома. Только в двадцатых числах января 1996 года позвонил брат Эмиль и сказал, что отец находится в больнице и состояние его тяжелое. Тогда я преподавал в Московской духовной академии. Позвонил проректору профессору М. С. Иванову и попросил разрешения поехать к больному отцу.

Когда я с вокзала добрался до родительского дома, мама сказала: «Ты, сынок, меня крести». Сейчас я не способен описать ту радость, которая овладела мною. Но сразу же крестить маму я не мог, так как должен был идти к папе в больницу. К тому же у меня не было всего необходимого для совершения этого таинства. Из больницы позвонил отцу Борису Развееву и попросил привезти крестильный ящик. В середине дня он заехал к нам домой и привез его. Когда мама открыла ему дверь, он тепло обнял ее. Отец Борис искренне радовался маминemu желанию. Мы мало задумываемся, как велико значение таких проявлений христианской любви. Поздно вечером, когда я вернулся из больницы от папы, мама, показывая на крестильный ящик, поставленный отцом Борисом на сервант, сказала: «Такой хороший батюшка. Обнял меня». Это и есть подлинное миссионерство: свидетельствовать о христианстве проявлениями любви к человеку, которого видишь впервые.

Было уже около девяти часов вечера. Я надел епитрахиль с поручами, крест, налил в таз воду и исполнил мое давнее великое желание. Маме было восемьдесят лет и пять месяцев. Крещение продолжалось почти час. У нее болели ноги. Она не могла долго стоять, но все исполняла охотно. На другой день она сказала, что чувствует легкость.

Мама серьезно восприняла это событие. Она никогда не снимала крест: ни дома, ни в больнице. Я прислал ей молитвослов с параллельным русским переводом. Как я потом узнал, она держала его под подушкой. Молитва ее была простая. В письме от 1 апреля 1997 года она писала мне: «Будем надеяться на Господа Бога. Поможет. День и ночь прошу о помощи».

Мама до самой пенсии работала бухгалтером. Труд этот был нелегким. Требовал полной ответственности, постоянной внимательности, скрупулезной точности. В конце жизни она мне сказала: «Сынок, я не взяла ни одной чужой копейки».

Последние двадцать лет своей жизни она писала стихи. У меня хранится толстая зеленая тетрадь. Первая страница представляет собой титульный лист. Под фамилией стоит название «Мои поздние стихи». По-видимому, и в молодости у нее были поэтические опыты. Листы тетради пронумерованы. Всего сто тридцать девять страниц. Я читаю мамины стихи и вижу ее пред собой: внимательную к жизни, добрую и очень чуткую к проявлениям человеческой отзывчивости, любви, честности. Достаточно привести названия стихотворений: «Стихи пишет сердце», «Еще раз о доброте», «Проверь себя», «Не осуждай другого», «Радость души». В стихотворении «Ищите добро» мама точно выразила свое жизненное правило (привожу начало):

Не ищите у людей зла.
Ищите, хоть крупицы,
Но всегда добра...

Брат

У папы с мамой было двое детей. Первым родился 21 февраля 1940 года мой брат. Назвали его Эмилем.

Раньше я не задумывался, а теперь, когда вспоминаю мою прожитую жизнь, понимаю, какое это было для меня благо – иметь брата. В самые ранние годы, когда жизнь ребенка ограничивается домом и маленьким двориком, мы с ним могли ежедневно общаться и проводить время в неприхотливых детских играх. Будучи на два года старше, он учил меня тому, что уже успел узнать. Позже, в годы отрочества, нас очень сильно сблизил совместный труд по дому: пилили и кололи дрова, носили воду, копали землю.

У Эмиля рано проявились способности к математике. Он успешно учился. Школу окончил с золотой медалью, в 1963 году – Уфимский авиационный институт. Ныне он – профессор кафедры управления и информатики Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Уфа). Крестился он в 90-е годы с именем Евгений.

У нас теплые, братские отношения. Когда я бываю в Башкирии, встречаемся и несколько часов проводим в дружеских беседах.

У нас в городке жил святой

Я незаметно забежал на полвека вперед. Возвращаюсь к годам моего детства. Через несколько дней после моего рождения в ссылку в Челкар был доставлен епископ Николай (Феодосий Никифорович Могилевский; 1877–1955). Скончался он митрополитом Алма-Атинским. В 2000 году прославлен в лике святых как священноисповедник.

Охранники привезли его в начале февраля 1942 года и вытолкнули из вагона на перрон в рваном ватнике. Сострадательные старушки дали ему телогрейку, шапку, залатанные валенки. Одна женщина приютила его в сарае, где находились корова и свинья. Позже духовные чада спросили его: «Почему вы не сказали старушкам, которые дали вам одежду, что вы – епископ?» Он ответил: «Если Господь посылает крест, Он же дает и силы, чтобы его нести, Он же его и облегчает. В таких случаях не должна проявляться своя воля, нужно всецело предаваться воле Божией. Идти наперекор ей недостойно христианина, и после того как человек терпеливо перенесет посланные ему испытания, Господь посылает духовную радость».

Владыке шел шестьдесят пятый год, он был весь седой. На работу его не брали. Он питался подаванием. Может быть, и моя сердобольная мама подавала ему милостыню, а он молитвенно желал ей и ее семье спасения.

К осени 1942 года тело его стало совершенно истощенным. Однажды он, лишившись сил, упал на улице и потерял сознание. Его, полуживого, подобрал татарин и отвез в больницу. Потом он, несмотря на военное голодное время, каждые десять дней приносил несколько яиц, две лепешки и несколько кусочков сахара. Когда пришло время выписываться из больницы, татарин приехал на повозке, чтобы отвезти владыку к себе домой и приютить. По дороге владыка спросил татарина: «Почему вы так милостиво отнеслись ко мне? Ведь вы меня совсем не знаете». Татарин ответил: «Надо помогать друг другу. Бог сказал, что мне надо помогать тебе, надо спасти твою жизнь». – «Как сказал вам Бог?» – изумился владыка. «Не знаю как, – ответил татарин. – Когда я ехал по своим делам, Бог сказал мне: „Возьми этого старика, его нужно спасти“». Этот татарин, наверное, был человеком в городке известным. Предполагаю, что мои родители были с ним знакомы. К сожалению, имя его не знаю.

В конце зимы 1943 года владыка Николай стал служить Божественную литургию в доме одной вдовы. Он крестил, венчал, отпевал, проповедовал и наставлял. В одном из писем тех лет владыка писал: «При этой окружающей дикой природе я все же имею великое духовное утешение, что скрашивает мое одиночество. За отсутствием здесь священнослужителей я приглашен к служению. Имеем молитвенный дом, где литургисаю (по-иерейски), совершаю всякие требы; особенно приятно было совершить уже более пятнадцати бракосочетаний. Имеем колокол, а ко дню Святой Пасхи зазвоним во все четыре». Жители городка стали хлопотать о постройке молитвенного дома. В 1946 году власти зарегистрировали в Челкаре молитвенный дом в честь Вознесения Господня. Из дневника святителя Николая известно, что он в 1948 году освятил в Челкаре храм в честь того же великого двенадцатого праздника.

18 июня 1945 года владыка был освобожден, а уже 5 июля получил назначение быть архиепископом (впоследствии митрополитом) Алма-Атинским и Казахстанским.

Я так подробно об этом пишу, потому что убежден: присутствие в городке святого угодника Божия, регулярное совершение им Божественной литургии, совместное моление других благочестивых православных людей благодатно действовало не только на молившихся, но и на всех, кто жил там. Известно, что праведники хранят град. Потому, размышляя с благодарностью Богу о своем пути в православие, считаю святителя Николая (Могилевского) одним из своих благодетелей. Возможно, уже тогда Божественная благодать коснулась моего младенческого сердца.

Первое путешествие

В конце лета 1946 года наша семья выехала поездом из Челкара в Краснодар, куда папа получил назначение на работу. Мама говорила, что мы добирались месяц. Была послевоенная разруха. В Сталинграде поезд сделал остановку. В ожидании продолжения пути мы пошли в город, который лежал в руинах. К этому времени относится мое первое детское воспоминание. Помню, как брат учил меня считать, когда мы долго стояли на одном месте и чего-то ждали. Что было после, не помню.

Мы прожили в Краснодаре полтора года. Моя младенческая память из этого времени сохранила лишь отдельные события. Помню, что болел малярией. Мне давали очень горькое лекарство желтого цвета – хину.

Весной 1948 года из Краснодара мы переехали в поселок близ города Куйбышева (ныне – Самара) – Зубчаниновку. Это поселение железнодорожников к востоку от Самары возникло в 1910 году. Основателем его был Е. А. Зубчанинов (1864–1935), заместитель начальника управления Самаро-Златоустовской железной дороги Восточного района. Находясь под влиянием идей Льва Толстого, вместе со своими единомышленниками он решил создать город-общину, где уставом категорически запрещалась постройка в городке гостиниц, фабрик, винных магазинов, пивных, игорных и публичных домов, занятие ростовщичеством. Его жизнь после прихода к власти большевиков сложилась трагично. В 1919 году он был арестован ОГПУ, освобожден – через полгода. В 1923 году его направили на работу в Среднюю Азию. В 1927 году его парализовало. Последние пять лет (с 1930-го по 1935-й) прожил в почти полном одиночестве под домашним арестом по обвинению в антисоветской деятельности.

К тому времени, когда мы поселились в Зубчаниновке, это был обычный советский поселок, а в 1980-1990-е годы он стал самым криминальным районом Самары, центром распространения наркотиков.

Из Зубчаниновки папа ездил на работу в аэропорт, который находился в Смышляевке. Нынешний аэропорт в Курумуче был построен позже.

Восточная слобода

Осенью 1948 года мы переехали в Уфу. Сначала жили в гостинице аэропорта, а затем в деревянном домике, где располагался радиоцентр. Он находился между городом и аэропортом. Эта была северная окраина Уфы. Называлась она Восточная слобода. Ее появление относится к концу XIX века. На карте Уфы 1908 года она обозначена прямоугольником, который прорезают параллельно идущие улицы: Валентиновская, Ольгинская, Георгиевская, Васильевская. Есть предположение, что обладавший этими землями купец-хлебопромышленник Павел Иванович Костерин назвал улицы в честь своих сыновей и дочерей. В годы моего детства улицы эти имели уже другие названия: Большая Гражданская, Степана Халтурина, Клары Цеткин и др.

Наша Восточная слобода была отделена от города Новоивановским кладбищем. Чтобы попасть в город, надо было пройти вдоль взлетного поля аэропорта к остановке трамвая. Кольцо маршрута № 2, на котором добирались до центра, было там, где сейчас расположена небольшая площадь перед гостиним двором.

Нас, детей, город манил магазином «Динамо». На прилавках под стеклом мы любили разглядывать футбольные покрышки, камеры, рыболовные крючки, поплавки, фонарики. Чаще всего я попадал в центр, когда папа брал меня на базар. Хорошо помню деревянные ряды с двустворчатыми покатыми крышами. Папа обходил ряды и выбирал мясо. На рынке была площадка, на которой располагался зверинец, но мы туда ни разу не заходили.



Ш. Гумеров. 1948 г.

С запада естественной границей нашей слободы был глубокий овраг, который, расширяясь, спускался до реки Белой в районе Сафроновской пристани. На востоке от Восточной слободы находились земли, некогда принадлежавшие жителям деревни Глумилино. В детстве я

часто слышал это название. Сейчас, работая над воспоминаниями, узнал, что это была деревня, которая около 1800 года становится собственностью землемера, надворного советника В. Ф. Глумилина. Позже деревню купил небогатый помещик Яков Барсов. В этой деревне родилась знаменитая оперная певица Елена Барсова (в замужестве – Цветкова; 1871–1929).

В 1924 году у деревни Глумилино был построен первый ангар для самолетов. В 1933-м была открыта первая уфимская авиалиния. В 1946-м Уфимский авиаотряд был передан в ведение Волжского управления с центром в Куйбышеве. Папа работал начальником службы радиосвязи аэропорта, администрация которого располагалась в двухэтажном загородном доме, принадлежавшем некогда купцу П. И. Костерину. Дом напоминал большой теремок из сказки. Верх его был украшен петушком. Хозяин стремился к затейливости и нарочитой привлекательности. Его городской дом на улице Пушкина, построенный в стиле модерн, до сих пор является архитектурным украшением Уфы.

За взлетным полем начинался лес, который называли монашеским. Оба уфимских монастыря (Успенский мужской и женский Благовещенский) до закрытия располагались далеко от этого места, в старой Уфе. В этом лесу, край которого виден был за аэропортом, возможно, были монастырские угодья. Может быть, имела пасека.

На поляне, где стоял дом Костерина, в годы моего детства местами попадались кусты одичавшей смородины и крыжовника. Ягоды мы ели зелеными, не дожидаясь, пока они созреют. За домом с петушком находился трест «Зеленстрой». За ним был лесок, который надо было пройти насквозь, чтобы оказаться на большой поляне, на краю которой стоял дом. Возможно, это был дом садовника, проживавшего на даче у Костерина. В годы моего детства он был плотно заселен: в нем проживало не менее шести семей. Я часто посещал этот дом, потому что в нем жил с матерью друг моего детства Роберт Байбазаров. С ним я познакомился, когда мне было шесть лет. Потом мы учились в одном классе. Отец его погиб на фронте. Мама работала медсестрой. Она сутками дежурила, а Роберт большую часть времени проводил в нашей семье. Моя мама относилась к нему как к сыну: всегда кормила и заботилась о нем. Позже, когда он окончил авиационный техникум и почему-то (может быть, из-за матери) не поехал работать по распределению, мой папа взял его к себе на работу. Роберт всю свою жизнь питал к моим родителям особые теплые чувства. Он умер на работе от инфаркта на шестьдесят четвертом году жизни.

Скромное жилище

Нашей семье была предоставлена маленькая комнатка в двенадцать квадратных метров. Жилье было настолько тесным, что мне приходилось спать на полу под столом, когда к нам приезжали родственники. Быт был без малейших удобств. Водопровод отсутствовал. О душе или ванной трудно было даже помыслить. Каждую неделю в любую погоду мы ходили в баню. Дорога в одну сторону занимала почти час.

Топилась наша комнатка печкой, которая остывала к середине ночи. В морозные дни к утру в углах появлялся иней. Мы прожили в этой комнатке одиннадцать лет. Запомнились эти годы как необыкновенно счастливые. Эту крошечную комнату я бы не променял ни на какой дворец. Причина нашего детского счастья была в той неистощимой любви, которая была у нашей мамы к нам.

Весь год (даже в жаркие летние дни) приходилось топить печь, чтобы сварить еду. Холодильника не было, поэтому мама готовила каждый день. На примусе, который находился в маленьком коридорчике, на приготовление обеда на четырех человек ушло бы несколько часов. В чулане, пристроенном к дому, хранились дрова на весь год. Папа договаривался с какой-то организацией, и на машине привозили бревна. Мы с братом должны были их пилить и колоть.

В наши обязанности также входило топить печь, чтобы мама до ухода на работу могла приготовить сразу завтрак и обед.

С братом мы ежедневно носили воду из колонки – ходили за ней за несколько кварталов, с большими ведрами, пользуясь коромыслом. Не помню, сколько раз за день ходили за водой. Вода требовалась, чтобы готовить пищу, пить, умываться, мыть посуду и пол, стирать. От мамы я слышал такой рассказ: «Пойдешь зимой за водой. Ты маленький. Вдоль дорожек сугробы высокие. Тащишь ведра по снегу. Вода постепенно выливается. Ты придешь и говоришь: „Мама, принес воду“. Я заглядываю в ведра, а воды там – на доньшке».

С конца октября по март едва ли не каждый день нам с братом приходилось убирать во дворе снег. От дома до ворот – немалое расстояние. Дорожку в снегу нужно было прокладывать настолько широко, чтобы могла проехать телега, на которой привозили аккумуляторы, запчасти и прочие детали для передатчиков. Оттепелей не было. Постепенно в некоторых частях двора образовывались сугробы выше человеческого роста. Во дворе стоял вагончик полевой радиостанции. Вокруг него было особенно много снега. Мы забирались на крышу этого вагончика и прыгали в сугроб. Однажды мы прыгали с моим приятелем по фамилии Четверня. Он весь с головой ушел в снег. Я побежал в дом и позвал маму. Она с трудом вытащила его за поднятые вверх руки.

В конце апреля начинались работы на огороде. Территория радицентра была большая, на ней располагались мачты. Земли между мачтами было много. Мы сажали помидоры, огурцы, укроп, редис, морковь, свеклу и другие овощи. Это был настоящий земледельческий труд. Граблями сгребали прошлогоднюю ботву, а потом жгли. Приятно было вдыхать терпкий запах дыма. Приготовленную землю вскапывали и бороновали. Мама и папа делали самую ответственную работу – сажали семена и рассаду помидоров. Нам с братом каждый день надо было носить воду, чтобы поливать. Труды вознаграждались немалым урожаем. Всю вторую половину лета каждый день мы ели огурцы и помидоры. Когда мама готовила соленья, трудности возникали из-за того, что помидоры были слишком крупными и многие не проходили в горло трехлитровой банки.

За летным полем в нескольких километрах от нашего дома работникам аэропорта были выделены большие участки. Многих трудов стоило вскопать этот обширный надел земли и посадить картошку, чтобы получить урожай на целый год для семьи из четырех человек.

Помню, как мы с папой с мотыгами на плечах ходили окучивать кусты картошки. В течение лета поле нужно было регулярно пропалывать.

Наконец наступал сентябрь. В один из воскресных дней, когда не было дождя, мы с раннего утра начинали уборку. К этому особому дню в году мы готовились заранее.

Нужен был навык: копнуть так, чтобы не порезать клубни и чтобы не оставить часть урожая в земле. Выкопанную картошку оставляли на несколько часов лежать, чтобы она подсохла. Потом ее засыпали в большие мешки и завязывали их. Они возвышались над вскопанным полем, как толстые бочки. Складывать их старались в одном месте. Так было легче грузить их вечером в кузов машины. Один мешок набивали подсолнухами, которые сажали всегда по краю всего участка.

День сбора картофеля был долгий и трудный. Работа заканчивалась, когда уже сгущались сумерки. Мы ожидали машину, которую предоставляла администрация аэропорта. На соседних участках тоже были готовы к погрузке.

Весь урожай мы ссыпали в погреб, который был под полом нашей комнаты. Спускались в погреб по специальной деревянной лестнице. Однажды кто-то спустился в погреб и оставил крышку откинутой. Я стоял спиной. Зачем-то попятился и... полетел головой вниз. Господь сохранил. Даже ушиба не было.

У нас с братом была постоянная обязанность: почти каждый день ходить в магазин, так как хлеб и другие продукты давались в те годы в одни руки в ограниченном количестве. До магазина надо было пройти несколько кварталов.

Святая Библия называет блаженным того, кто трудится: Ты будешь есть от трудов рук твоих: блажен ты, и благо тебе! (Пс. 127, 2). Любовь к труду – драгоценное качество, которое ценилось во все времена. Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою (Притч. 6, 6–8). Преподобный Антоний Великий говорит о духовной пользе физического труда: «Телесные труды суть орудия добродетелей и спасительны для души». Слова «ora et labora» («молись и трудись») были девизом монастыря преподобного Бенедикта Нурсийского (ок. 480–547).

Вспоминая наш уклад жизни, благодарю Бога, что с детства поставил меня в такие жизненные условия, которые ежедневно требовали от меня выполнения различных работ. Труд стал для меня внутренней потребностью. Это осталось на всю жизнь. Даже в старости труд не только мне не в тягость, но вызывает настоящее удовлетворение.

Школа

Хорошо помню один эпизод, который относится к первому году нашего пребывания в Уфе. Я стал усиленно просить родителей отвести меня в школу. Меня не могли принять учиться, потому что мне было только шесть лет. Однако у мамы была замечательная черта: она никогда не подавляла нашу детскую волю. И на этот раз она поступила мудро и с любовью. Мама хотела мне показать готовность исполнить мою просьбу и повела меня в школу. Там мне объяснили (кажется, это был завуч), что меня примут в следующем году. Я остался доволен.

Однажды, отроком, я попросил купить на рынке клетку для птички. Мама сказала: «Купить недолго, а ты сам сделай ее». Я начал делать. Мы жили при радицентре, поэтому было легко найти необходимые материалы: фанеру, рейки, стальную проволоку. Клетка, которую я смастерил, представляла собой ловушку. Я насыпал корм и выставил ее во двор. Попалась синичка. Они в неволе не живут. Я этого не знал. Случившееся вызвало в моей душе печаль. Больше я птиц не ловил.

Наконец настал долгожданный день – меня повели в школу. Учиться я очень любил. В школу всегда ходил охотно. Располагал к этому и мой общительный характер.

С 1949 года до четвертого класса я учился во 2-й начальной железнодорожной школе. Построена она была, как и многие другие, в 1911 году в связи с программой введения в царской России всеобщего начального образования. В советские годы, на которые выпало мое детство, она находилась на углу уже переименованных улиц Большой Гражданской и Клары Цеткин. Затем я перешел в школу № 7 с полным десятилетним обучением.

Ближайшим к нашему дому был Дачный переулок. По нему мы с братом ходили в школу. Переулок был кривой, без асфальта, в мокрую погоду пробраться по нему можно было только в сапогах. Мы с братом носили сапоги, сделанные «на заказ», – склеенные из кусков автомобильной камеры. Они надевались на стеганные ватные сапожки. Помню, что надевать и снимать такую двойную обувь было очень нелегко.

В восемь часов утра все школьники и учителя должны были строем стоять в коридоре первого этажа, чтобы прослушать гимн Советского Союза, с исполнения которого начиналось в Москве в шесть часов радиовещание. До революции учащиеся в нашей стране начинали занятия с молитвы. Новая власть совершила подмену традиции, но не оторгла ее полностью. Тотальное разрушение традиций – дело постсоветского времени.

Директором школы при мне был Иосиф Антонович Избицкий, грузный и молчаливый. Мне никогда не приходилось разговаривать с ним. Работая над книгой, я прочитал воспоминания о нем его дочери Валерии Иосифовны, которая вела у нас потом в школе № 7 уроки литературы. По национальности он был поляк. Дед его был дворянин. За участие в антиправительственном восстании 1830–1831 годов род Избицких был лишен дворянства. Его потомкам высочайшим повелением дворянское звание было возвращено, но, кроме титула, ничего дворянского уже не было: жили крестьянским трудом. Несмотря на бедность, Иосиф Антонович окончил учительские курсы и трудился на ниве просвещения крестьянских детей. В Первой мировой войне участвовал как фельдшер. Получил контузию. В 1918 году Иосиф Антонович отправился трудиться в Уфимскую губернию. Выбор не был случайным: у него начался туберкулез. Несмотря на столь тяжелую болезнь, он много сделал для постановки учительского дела в Уфе. В воспоминаниях его дочери я прочитал: «В начале 1950-х он встречался с гастролировавшим тогда в Уфе А. Н. Вертинским – с ним Иосифа Антоновича связывали родственные связи, – и они долго вспоминали о молодости, о прежних людях. И наверное, о родине.

Родине, которая для Иосифа Антоновича была потеряна и которую Александр Николаевич вновь обрел»³.

Жена И. А. Избицкого, Мария Григорьевна, преподавала нам математику. Из тех же воспоминаний Валерии Иосифовны я узнал, что Мария Григорьевна называла себя кержачкой. Кержаки – этнографическая общность старообрядцев. Название происходит от реки Керженец в Нижегородской области. В широком значении кержаками стали называть всех старообрядцев.

Помню, как хоронили И. А. Избицкого. Мне хотелось в эти дни утешить Марию Григорьевну. В классе я всем сказал, чтобы на ее уроках не позволяли себе шалости. Сидел я за одной из первых парт. Когда слышал сзади шум, поворачивался и грозил своим маленьким кулачком. Мария Григорьевна это заметила и не могла скрыть волнения.

В школу носили не только учебники, линейку, карандаши, но и перьевую ручку. Патент на металлическую перьевую ручку был впервые выдан в Европе в 1803 году. К середине XIX века они вытеснят гусиные перья, а потом и сами будут потеснены. Я застал конец этой эпохи. С 1960-х годов в нашей стране повсеместно стали употребляться шариковые ручки. Они были удобны, но это приобретение обернулось гораздо большей потерей – умением красиво писать. Каллиграфия, конечно, прежде всего зависит от личных способностей учащегося, однако шариковая ручка, упрощая технику письма, способствовала небрежности, так как ранее, хотя бы для того чтобы не поставить кляксу, пишущий должен был быть собран и аккуратен. К тому же известно: человек серьезнее относится к тому, что ему сложнее дается.

Мы живем в поврежденном грехом мире. К сожалению, любое техническое изобретение, являясь кажущимся благом, почти всегда имеет серьезные негативные последствия для человека и его жизнедеятельности. Преподобный Паисий Святогорец (1924–1994) говорил: «Прежде люди работали с помощью животных и отличались состраданием. Если ты нагружал несчастное животное грузом большим, чем тот, который оно могло понести, то оно опускалось на колени, и тебе становилось его жалко. Если оно было голодным и жалобно глядело на тебя, то твое сердце обливалось кровью... А сегодня люди имеют дело с железками, и сердца их тоже железные. Лопнула какая-нибудь железка? На сварку ее. Сломалась машина? Везут в автосервис. Нельзя починить? На свалку, душа не болит: железо, говорят, оно и есть железо. Сердца людей нисколько не работают, а ведь таким образом в человеке возделывается самолюбие, эгоизм»⁴.

В итоге из виду теряется главное – сам человек. Атрофируются не только сердце, но и ум. Массовое внедрение калькуляторов обернулось тем, что многие дети не знают теперь таблицы умножения. Появление почти в каждом доме компьютеров привело к еще одному бедствию: современное молодое поколение не имеет любви к чтению.

Я застал еще то время, когда в школу нужно было носить с собой и чернильницу. Для этого к портфелю привязывались специальные мешочки. Края чернильницы собирались к центру сосуда в виде конусообразной воронки, и если она переворачивалась, то уровень чернил все равно был ниже края этой воронки и они не проливались. Это приспособление называли чернильница-непроливайка.

Обязательной принадлежностью школьников была перочистка: несколько слоев тряпичных кружочков, скрепленных в центре ниткой. Сверху была пришита пуговица, чтобы было удобно держать. В тетрадку был вложен лист пористой бумаги – промокашка. Все это научало прилежанию. Надо было не ставить клякс, следить за чистотой рук, парты. С семи лет ребенок приобретал навыки собранности и ответственности.

В те годы школьники и школьницы носили обязательную форму. Введена она была в 1948 году, но до нашей школы очередь дошла не скоро, кажется, лет через шесть, когда я учился

³ Уфа. 2008. № 8.

⁴ Паисий Святогорец. Слова. Т. 1. С болью и любовью о современном человеке. М.: Святая Гора, 2010. С. 155–156.

уже в пятом классе. Помню серую гимнастерку с металлическими пуговицами, такого же цвета брюки и фуражку с черным пластмассовым козырьком. На поясе был ремень с большой желтой пряжкой. На ней были изображены две скрещенные ветки, раскрытая книга, лента и буква «Ш». Образцом для формы 1948 года стала форма дореволюционных гимназий. Только раньше гимнастерки были синие, а брюки черные. Была также у гимназистов шинель, похожая на офицерскую: светло-серая, двубортная. У нас все было проще и беднее. Школьницы носили коричневое платье с фартуком – повседневным черным и белым для торжественных дней.

Единая форма укрепляет сознание общности, сплачивает и дисциплинирует. Она лишает учащихся и родителей повода проявлять тщеславие и демонстрировать в одежде свои материальные возможности. Возражения против единой формы очень слабые. Противники говорят, что она нивелирует личность и ограничивает проявление индивидуальности. Странно, неужели форма может как-то влиять на индивидуальность человека, если она у него действительно есть?

У меня случайно сохранилось несколько листков дневника, который я вел в шестнадцать лет. Перечитывая их, понимаю, что сейчас совсем не помню своей внутренней жизни тех лет: мыслей, чувств, переживаний. Память этого не сохранила. Приведу некоторые записи:

«21 февраля 1958 г. Начал дневник. Начал я его не только потому, что нужно искоренить некоторые отрицательные черты, но и передать все внутренние чувства, которые не всегда приходится передавать кому-либо словами. Какие же отрицательные черты, о которых я уже упомянул, у меня имеются? Во-первых, безволие. Постараюсь обосновать последнее предложение. Я часто раздражаюсь, когда мне говорят напротив. Даю сам себе обещания, но иногда их не выполняю. Следить, например, за своей речью. Не обзывать ребят. Во-вторых. Эту черту я даже затрудняюсь назвать одним словом. Может быть, это – малодушие. Я очень редко плачу, когда ударюсь или сильно ушибусь. Например, когда я сломал руку, не только не заплакал, но, наоборот, рассмеялся (для храбрости, наверно). Но если меня кто-нибудь сильно обидит, то у меня сразу же на глазах появляются слезы. Скажу несколько слов о моей повседневной жизни. Я ложусь между 11 и 12 часами ночи (когда как). Встав, делаю зарядку и, умывшись и покушав, приступаю к урокам. Нужно сказать, что уроки я делаю добросовестно, но иногда некоторые предметы бывают слабо выучены (но такое, к счастью, случается редко, и это от недостатка времени, а не от лени). Я еще не совсем внимателен на уроках. Иногда задумываюсь о чем-нибудь другом. Думаю, на сегодня хватит.

22 февраля 1958 г. День прошел как обычно. Плохо слушал урок химии. Сегодня был математический вечер, но я на него не остался, так как не желал зря терять время на увеселения.

Попросил Т. Лебедева нарисовать карикатуру Глеба, за что я сам себя потом упрекнул. Сегодня день рождения Эмиля. Был один только Шурик.

Подводя итоги дня, можно отметить два проступка, о которых я уже упомянул в сегодняшней записи.

Хочу попросить в школьной библиотеке что-нибудь об Авиценне. Я как-то немного читал о нем, и мне показалось это очень интересным.

25 февраля 1958 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.